
Максим Мадюськин
МЕЧТА

Максим Мадюськин
Мечта

https://litres.ru/74801373
SelfPub; 2026

Аннотация

Настоящая мечта — это не просто «хочу», а то, от чего внутри загорается свет.

Это может быть что-то большое — например, построить дом, написать книгу, помочь сотне людей, — или на первый взгляд совсем простое: просыпаться без тревоги, чувствовать себя нужным, просто быть счастливым рядом с близкими. Главное не масштаб, а то, как мечта отзывается в тебе: будто она и есть твой собственный компас, который шепчет: «Вот туда. Это твоё».

Максим Мадюськин
Мечта

Мечта

Глава 1

Екатерина родилась в деревеньке — той самой, что лежала в тридцати километрах от города. Дорога туда, если честно, в памяти всегда начинается не с километров, а с ощущений: как будто воздух по пути становится тяжелее, как будто деревня — это отдельная жизнь, со своим временем и своими правилами, и только потом, постепенно, ты выходишь на привычный городской шум.

Город, между тем, появился не так, как вырастают города обычно. Он вырос благодаря заводу. Сначала стоял рабочий поселок: строители приехали, развернули бараки, начали строить. Потом заводчане подтянулись следом — и поселок остался жить. Так оно и пошло: дома прибавлялись, люди прибавлялись, и постепенно всё стало похоже на город — хотя ещё вчера это была просто стройка.

А в той деревеньке, где родилась Катя, домов было больше двухсот. Только постоянно жили далеко не все. Примерно половина — остальные приезжали на выходные. Приезжали как будто «отметить» деревню: надышаться, повидаться, поковыряться в огороде, в привычном хозяйстве, где всё

кажется понятным и нужным, даже если живёшь тяжело и всё равно экономишь.

Многие и правда давно уехали. Не потому что не любили — просто зарплата на заводе была такой, что в деревне даже сравнивать было не с чем. Там деньги липли к рукам медленнее: корова, огород, сезон, да ещё и погода — чтобы она, эта погода, не устроила сюрприз. А там, в городе, люди получали стабильнее. И вот это слово «стабильнее» иногда решает судьбу сильнее любых обещаний.

Родителей Катя не помнила. Старенькая бабушка, которая её воспитала, никогда не говорила о них. Вообще — как будто это была тема, где говорить нельзя. Или стыдно. Или больно. О себе бабушка тоже не любила распространяться: жили они тихо, без лишних разговоров, без лишних вопросов.

А по деревне, конечно, слухи ходили — как же без них. Говорили, что бабушка оставила сына в роддоме. Только кто видел? Кто знает точно? Никто. Слухи, они ведь не для того, чтобы правду искать — они для того, чтобы у людей было что перемалывать в очередях и на лавочках.

Пока Катя училась в школе, её держала на плаву бабушкина пенсия — и то маленькое хозяйство, что копилось по чуть-чуть: яблоня за яблоней, куры за курами, соленья за соленьями. Бабушка нежно называла Катю «девочкой». И вот в этом «девочка» было всё сразу: и забота, и привычка, и какая-то невысказанная благодарность за то, что девочка есть,

что не пропала, что выросла.

Школа в деревне была маленькая — всего восемь классов. Учителей не хватало. А те, что были, чаще всего оказывались пенсионного возраста — усталые, но упрямые, с трещинкой в голосе, которая появлялась, когда надо было объяснять одно и то же третий раз подряд. Родители, которые могли себе позволить, детей отправляли в школу соседнего города. Поэтому в классе Кати было всего шесть учеников — как будто судьба решила, что учиться надо в тесном кругу, чтобы никто не потерялся.

После уроков Катя не бежала куда-то на посиделки. Она сразу шла помогать бабе Тоне в хозяйстве. Да, у них не было богатства. Но хозяйство приносило основной доход их небольшой семьи — и потому работа была не обязанностью, а смыслом. В деревне так всегда: если не сделал — завтра хуже. Если сделал — завтра хотя бы не так страшно.

По выходным Катя ездила на городской рынок продавать молоко и творог. Творог она делала своими руками — ещё с тех самых детских пор, когда ты сначала просто мешаешь, а потом вдруг понимаешь: умеешь. Постоянные покупатели ждали её приезда. Ждали так, как ждут «своего человека». И на зависть другим продавцам Катиных покупателей было видно сразу: товар расходился за считанные минуты. Не потому, что громко говорила, не потому, что умела нахваливать — а потому что чувствовалось: сделано руками, не на показ.

Выручку Катя отдавала бабе Тоне всю. Прямо всю, без «оставлю себе на мороженое». Ну а баба Тоня дальше уже решала, как жить дальше. Большую часть она тратила на Катю — чтобы у девочки была одежда, чтобы была возможность учиться, чтобы не случилось обидной нехватки в самый неподходящий момент. Баба Тоня умела экономить так, что при этом никто не чувствовал себя обделённым. Она умела — и всё тут.

Когда Катя окончила школу, уехать в город, как это сделали одноклассники, она не смогла. И дело было не только в деньгах — хотя деньги, конечно, тоже. Дело было в скромности её сердца. В нерешительности, которая будто держала её за плечи и не отпускала. Уехать — это ведь всегда нужно решить, что ты уже другая. А Катя всё ещё жила той прежней жизнью, где каждый день похож один на другой, и если не ломать, он и не треснет.

Близких людей, которые могли бы помочь устроить будущее, у неё не было. Кроме бабе Тони — никого. И вот тут понимаешь: иногда жизнь — это не выбор между «как хочу» и «как надо», а выбор между «как страшно» и «как возможно». И Катя выбрала то, что было возможно.

Баба Тоня, как люди мудрые, не просто уговаривала — она уговаривала по-настоящему, настойчиво и по-доброму. И однажды сказала, что надо идти в соседний город. Как и многие жители деревни, Катя бы и сама, наверное, туда пришла — но с бабиным советом стало легче. В городе работало

почти всё трудоспособное население: это значило, что дорогу знают, что людей там не потеряют сразу, что не придётся начинать с нуля в чистом поле.

С работой проблем не оказалось. Катя устроилась в филиал столичного института, где готовили специалистов для динамично развивающегося завода. И устроилась уборщицей.

Зарплата, если смотреть городскими глазами, была мизерной. Но для деревенской девочки, с её скромными потребностями, — вполне приемлемой. Да и Катя была трудолюбивой. С детства она привыкла к тяжёлому деревенскому труду. И поэтому новая работа не казалась непосильной — просто другой.

Она с лёгкостью, без драм, без лишних слов, каждый день преодолевала путь от деревни до города. Будто это часть её дыхания: поехала — доехала — сделала дела — вернулась. А чтобы день не был совсем серым, после работы она заходила в магазин рядом с институтом. Там покупала себе стаканчик любимого мороженого.

И это, кажется смешным — мороженое. Но вы попробуйте прожить день, когда вымотался, когда от усталости трудно пошевелить руками, а в голове уже тишина. Иногда именно такие маленькие вещи не дают человеку исчезнуть. Мороженое не лечит, нет. Но оно возвращает в жизнь что-то человеческое.

В институте Катю встретили с радостью — почти сразу она стала своей. Преподаватели, кажется, все полюбили её

— и как было не полюбить? Милая, добрая, всегда готовая помочь, она не просто училась: она заботилась.

Кому-то нужно было перетащить тяжёлое ведро с водой — такое, что спина запоминала на неделю. Кто-то просто хотел, чтобы кабинет после занятий был убран, светло и по-домашнему тихо. Катя никогда не говорила «нет». Она приходила, брала ведро, протирала доски, ставила стулья на места — и уходила, не ожидая благодарности.

Не потому что должна была. А потому что хотела.

И преподаватели отвечали ей так же — не формально. Они поддерживали, подсказывали, относились к ней с теплом. Не ругали лишний раз, не давили, не унижали. Просто помогали ей держаться и работать уверенно.

Катя и сама всегда привозила из деревни продукты — то, что вырастили и сделали своими руками. Привозила не «для приличия», а по-человечески: привезла — значит, поделилась. Кому-то — молоко. Кому-то — творог. Кому-то по сезону что-то ещё. И коллеги принимали это с благодарностью, потому что в таком подарке всегда слышится труд.

Да, работа у Кати была не престижная. Уборка — что может быть «престижного» в мокрой тряпке и ведре? Но ей нравилось. Она выполняла свои не хитрые обязанности с аккуратностью, от которой становилось видно: человек умеет делать добро незаметно.

Ей очень было приятно, что после её уборки кабинеты сияют чистотой. Сияют — буквально. И в этом сиянии было

что-то личное: будто она оставляет после себя не просто порядок, а ощущение заботы. Как будто кто-то, пусть даже без слов, говорит: «Я тут. Я стараюсь. Я не прошла мимо».

Глава 2

Однажды в филиал — в тот самый маленький город, где заводоуправление держало в себе остатки былой строгости — приехал молодой доцент Кирилл.

Он прибыл как будто с плакатов столичной жизни: высокий, красивый, опрятно одетый, в таком костюме, который сразу говорил всем вокруг — человек привык к комфорту и умеет его выбирать. И, конечно, внимание женской части института притянул на раз-два: женщины на такие вещи реагируют не потому, что они капризные — просто глаз сам тянется туда, где "всё правильно" по столичным меркам.

Кириллу поручили важное: методически помочь преподавателям филиала. Там работали либо уже пожилые педагоги, либо те, кто только начинал свою карьеру — и им бы, как говорится, руку поддержать. Нужен был человек из "центра", человек, который знает как надо. Кирилла назначили потому, что он и вправду был перспективным специалистом.

К тому же у него была династия: отец много лет возглавлял «головной» институт, и Кирилл с детства как будто рос внутри этих кафедр, внутри этих разговоров про науку, внутри привычки думать категориями "дальше" и "выше". Он совсем недавно защитил диссертацию — и во всём, что он делал, чувствовалась эта юношеская увлечённость, когда

тебя ещё несёт. Несёт — и не хочется, чтобы кто-то тормозил.

В командировку в небольшой город Кирилл поехал только потому, что отец попросил очень настойчиво. Отец хотел, чтобы сын увидел работу института “со всех сторон”. Хотел — потому что после выхода на пенсию надеялся увидеть Кирилла на своём месте, ректорском. А Кириллу, привыкшему к большому городу, к его скорости и к его предсказуемости, ехать сюда совершенно не хотелось. Провинциальный городок казался ему скучным, пыльным и… немного чужим.

Впрочем, командировку не выбирают по настроению.

После короткого знакомства с педсоставом Кирилл направился осматривать помещения института. Здание было старое- бывшее заводоуправление, где стены помнили рабочие годы, где штукатурка местами облезла так естественно, будто и не было у нее задачи когда-либо стать новой. Кирилла сначала коробило. Он смотрел на эти обшарпанные места как на пережитки прошлого: как будто тут время остановилось, а он приехал туда, где так и должно быть — “не разворачиваться”.

И вот тогда он увидел Екатерину.

Она старательно натирала полы в аудитории после занятий. У неё был простейший, домашний вид — деревенский, естественный, без лишней демонстрации. На ней был старенький халат, волосы светлые — и платок их прикрывал небрежно, как умеют прикрывать только те, кто не боится

быть собой. Кирилл сначала даже не понял, почему взгляд остановился. Просто… остановился.

Екатерина не была похожа на тех столичных, “раскрашенных” студенток, что обычно крутятся возле молодых преподавателей — улыбки там часто идут впереди мыслей, и желание понравиться там иногда выглядит слишком выученным. Катя же выглядела так, будто никакого спектакля не задумано. Будто она просто делает своё дело — и этим делом будто отвечает жизни: “я на месте”.

Кирилл заметил её не глазами “судьи”, а как будто… неожиданно по-человечески. И, наверное, именно поэтому серьёзность, которая появилась в его лице, не была театральной.

Катя привыкла к пристальным взглядам. В основном — от студентов. Там учились рабочие завода, а институт был для них единственным мостиком из промасленных цехов в светлые кабинеты. Они учились с упорством, но смотрели на женщин иногда по-особенному: и с уважением, и с надеждой, и с тем самым рабочим, простым прямодушием. А ещё — с косыми взглядами, когда девушке хотелось просто пройти, не объясняя всем, что она “не доступна”.

Катя старалась не реагировать. Но взгляд молодого человека был другим. Он не пытался взять её взгляд на “крючок”. В нём не было суеты. В нём было что-то спокойное — как будто человек умеет не расплескать себя попусту.

В ту же неделю Кирилл впервые поговорил с Катей “по

делу", но получилось по-другому. Он предложил проводить её до вокзала. Деликатно. Без лишних ноток, без попытки выглядеть героем. И Катя — Катя, у которой в голове всегда были свои мысли про хозяйство и про то, как бы успеть — вдруг растерялась. Только ненадолго.

В тот вечер они говорили медленно — будто сидели у бабушкиной печки, хотя вокруг были коридоры института, старые стены и запах пыли и мела. Катя ела пломбир — тот самый, любимый, что таял каплями на пальцах, заботливо принесённый Кириллом. Позже ему вспоминалось именно это: странно, ведь он всегда избегал пустяков, но тут — зацепило.

Она рассказывала о деревне не как о сказке, не как о музее — а как о воздухе: не замечая, что говорит, потому что это просто… было. И Кирилл слушал. Не оценивая, не взвешивая «плюсы» и «минусы», как все остальные. Просто слушал. И в этом — было что-то редкое.

Катя каждый день уезжала домой в свою родную деревню. Но как только началась эта дорожка "вокзал-работа-вокзал", Кирилл вошёл в её расписание. И не только вошёл — он стал её короткими вечерами делать человечески тёплыми.

Так было весь следующий месяц: после работы они расставались только перед последним автобусом. Кирилл провожал — Катя уходила — и в этом было что-то удивительно ровное, будто у самой жизни вдруг появился правильный порядок.

У него были интеллигентные манеры — они резко отличались от манер тех молодых людей, с которыми Кате доводилось сталкиваться раньше. Там было ухаживание грубее, иногда слишком уверенное, иногда слишком наглое — как будто людям кажется, что если красиво сказать, то можно присвоить.

С Кириллом такого не получалось. И Катя это чувствовала.

Она слушала его рассказы о столичной жизни, о научных работах. Не понимала почти ни одного слова — честно не понимала. Но слушала всё равно. Слушала так, будто важным было не содержание, а сам ритм: как Кирилл говорит, как объясняет, как подбирает слова. И когда он рассказывал про красоту и достопримечательности большого города, Катя иногда улыбалась не потому, что "всё поняла", а потому что рядом с ней был человек, который смотрит на жизнь чуть иначе — чуть шире.

В институте многие сотрудницы сначала удивились выбору Кирилла. Они-то сами, возможно, не отказались бы от компании такого жениха. Даже не "жениха" — а именно человека, который приносит внимание как подарок. Но у Кирилла была своя жёсткость. Он не давал людям надежды. Он не делал намёков, не улыбался "всем и каждой". Строгость его, поначалу казавшаяся холодной, рядом с Катей куда-то исчезала — как будто её просто не было. Иногда, глядя на простые слова Кати и её искреннюю неподдельность, на кра-

сивом лице Кирилла действительно появлялась улыбка — та самая, настоящая, без расчёта.

Месяц пролетел незаметно. И самое странное — это был лучший месяц в жизни Кати.

До этого она жила однообразно: работа, дом, деревня, хозяйство. Серые дни, которые как будто не спорили с собой. Она не успевала оглядываться — потому что оглядываться просто некогда. И вдруг оказалось, что жизнь умеет меняться не громко, а постепенно, как вода поднимается в ведре: сначала не замечаешь, а потом понимаешь — уже выше.

Кате стало казаться, что изменилось буквально всё. Раньше она почти не думала о будущем — потому что думать о будущем мешали силы и обстоятельства. А теперь будущее выглядело светлым. Не сказочным. Просто настоящим. И в этом "настоящем" было столько надежды, что даже страшно становилось: как будто нельзя к хорошему привыкать слишком быстро, чтобы оно не исчезло.

А для Кирилла дни шли медленно и скучно — потому что кроме лекций и семинаров для преподавателей у него не было настоящего дела. Он приехал, чтобы "помочь методически", и он помогал. Но внутри этого помощи всё время оставалась пустота, которую заполняли только прогулки с Катей — короткие, простые, но как-то… необходимые.

Единственный кинотеатр в городе закрыли на ремонт — поэтому даже то, что обычно спасает от тоски, не работало. Спектакль в городском театре оказался таким бесцветным,

что Кирилл ушёл во время первого же антракта. И, наверное, самое обидное было не в скуке спектакля. Обидно было то, что рядом не было человека, который бы мог эту скуку нести легко — как Катя несла разговоры, деревню, тёплую наивность своей жизни.

Катя и правда казалась ему наивной собеседницей — настолько непосредственной, что иногда Кириллу даже было её жалко. И в то же время… именно её естественность чем-то задела. Для Кирилла отношения с девушками раньше не продолжались больше одного дня. Он привык выбирать без лишней суеты — либо интересно, либо не интересно, и всё. А тут неожиданно оказался человек, который не играл. Человек, рядом с которым не надо было быть "правильным".

Кирилл, конечно, думал о будущем — по-своему, по-взрослому. Он мечтал о спутнице жизни, образованной и способной поддержать его, помочь в построении карьеры учёного. Хотел — и это звучало так, будто он уже заранее знает, какой должна быть жизнь рядом.

Катя была далека от этой картинки.

Но почему-то именно она сумела увлечь его. Увлечь не внешностью и не обещаниями. Увлечь своей простотой — той самой, которая в большом городе редко встречается без охраны, без стратегии, без заранее приготовленной фразы "как надо".

И, если честно, Кирилл сам ещё не понимал, что с ним происходит.

Он только чувствовал: когда Катя рядом, город будто перестаёт быть маленьким. И даже его собственная строгость начинает таять — как будто её в нём не выучили, а просто забыли, пока рядом была девочка из деревни.

Глава 3

В последний день командировки, после работы, Катя с Кириллом не спешили. Шли медленно — так, будто город вокруг тоже понимал: сейчас будет точка, после которой каждый уйдёт в свою сторону, и обратной дороги уже не предусмотрено.

Они шли на вокзал — за билетом на первый поезд. Катя держалась рядом, плечо к плечу, но разговаривать не получалось. Не потому что нечего сказать — наоборот, слов было слишком много, только все они застревали где-то внутри, как бывает, когда сердце вдруг становится большим и тесным одновременно.

Каждый думал о своём.

Катя думала о неизбежной разлуке. Думала так, как думают не "головой", а всем телом: ноги будто тяжелели без причины, пальцы сжимали платок сильнее, а в груди стояла глухая пустота — ещё до того, как что-то произошло. Она пыталась представить, как завтра проснётся, как в привычном порядке дойдёт до работы, как будет помогать бабе Тоне, как станет жить по расписанию, где Кирилла больше не будет.

Но изображение не складывалось. Потому что за этот месяц в Катиной жизни появилось что-то настоящее — не на

пару дней, не как радость “по случаю”, а как свет, который уже привык быть рядом.

А Кирилл думал о работе.

Не потому, что ему было безразлично то, что происходит с Катей. Он просто… как человек науки, как человек, которого вечно тянет вперёд, не мог остановить мысли на месте. В его голове ещё не завершилась фраза, не довёлся до нужной точки план, не сложилась до конца методика, ради которой он, собственно, и приезжал. Он видел себя через день-два уже в институте — и там, в кабинете, где пахнет бумажным архивом и кофе, где все его знают по фамилии, он снова вернётся к тому, что не успел сделать здесь.

И, конечно, мысли о Кате тоже были в его голове. Были — потому что как же можно забыть человека, который стал тебе чем-то ближе, чем просто “попутчица в командировке”. Были — потому что Кирилл каждый раз, когда отворачивался к делам, всё равно возвращался взглядом к её простоте, к её вниманию, к тому, как она умеет слушать, не изображая интерес, а именно слушая.

Но всё-таки — работа тянула сильнее. Так у Кирилла было устроено: он не умел бросать незавершённое, даже если рядом происходило главное.

Над вокзалом стоял привычный шум — и он, казалось, не замечал, что сегодня он кому-то ломает жизнь. Люди входили и выходили, таскали сумки, говорили между собой громко и без нужды, будто их судьба устроена так, что расстава-

ния бывают только по расписанию.

Кате хотелось спросить: “Почему всё так быстро?” Хотелось остановить время, хотя сама понимала — время, как поезд, останавливается не по твоей просьбе.

Последний автобус давно уехал, так и не дождавшись их. Они уже знали это — но всё равно сначала шли, будто шанс ещё есть, будто какая-то мелочь может исправить судьбу. А потом автобус просто исчез в конце улицы, и стало окончательно ясно: сегодня будет только перрон, билет и чужой уход.

Катя впервые не ночевала дома.

Раньше каждый вечер она уезжала туда, к своей деревне, к привычным стенам, к бабе Тоне, к хозяйству, где нельзя опаздывать и нельзя “забыть”. А этой ночью всё было иначе. Они проснулись вдвоём — одновременно, как просыпаются люди, которые понимают одно и то же слово без объяснений. Катя смотрела на тёмные углы комнаты и долго не могла поймать мысль: ведь вчера она не вернулась “к себе”. Не пришла домой, не прошла привычной тропой , не сделала то, что всегда делала. Вместо этого осталась у Кирилла — в гостиничном номере, где всё чужое: стены, тишина, воздух, даже собственные шаги звучат иначе.

На вокзале воздух был сырой, пах чем-то холодным и металлическим, и время как будто двигалось не вперёд, а кругами: всё стояли, всё ждали, всё считали минуту за минутой, не умея сделать себе облегчение — потому что облегчение

бывает только тогда, когда есть уверенность, что тебе вернут то, что забрали.

Слезы у Кати шли не “по команде”, а сразу. Без остановок. Стекали по щекам, будто у неё там было больше воды, чем обычно у людей бывает внутри. Она пыталась улыбнуться — но улыбка получалась короткой и бесполезной: слёзы всё равно продолжали своё дело.

Кирилл взял её в объятия на прощание — крепко, уверенно, как будто так можно удержать и себя, и её. Но старался не смотреть в глаза. Не потому что не хотел. Наоборот: если посмотреть — можно было бы не уйти. А уйти было надо. И он, мужчина с привычкой держать себя в руках, решил не давать слабости разрушить главное решение.

Он не проронил ни единого слова — даже того, которое обычно говорят, чтобы сделать расставание легче. Не сказал ни “прости”, ни “вернусь”, ни “всё будет хорошо”. Не сказал потому, что понимал: любые слова сейчас будут неправдой.

Он просто сел в свой вагон.

И в этом моменте особенно остро чувствовалось, что поезд действительно уезжает, а не люди “разъезжаются по обстоятельствам”. Поезд — уезжает. Безжалостно ровно. И вся тяжесть расставания вдруг стала не теорией, а физикой: перрон отдалился, фигуры стали меньше, звуки стали глуше, а Катя осталась стоять так, будто её ноги примерзли к месту.

Ей не хотелось возвращаться в городскую жизнь, к тем же улицам, тем же делам — потому что теперь там не хватало

чего-то самого тёплого. Как будто из воздуха вынули кусочек её радости — и воздух стал пустым.

Кате ещё долго пришлось стоять на перроне, вытирая слёзы уже мокрым платочком. Она вытирала, а слёзы всё равно текли, потому что руками нельзя остановить то, что почувствовало сердце. Она смотрела туда, куда ушёл поезд, и пыталась не думать "сейчас он уедет совсем".

Но поезд уходил — и вот в какой-то момент стало понятно: всё, это конец, дальше будет только "потом".

И тогда пустота полностью овладела Катей.

Как будто с этим поездом уехало её счастье. Не навсегда — возможно, она ещё не умела этого знать. Но сейчас — точно уехало. Оставив после себя только то, что удерживает человека на месте: привычку жить дальше, работу, дорогу, хозяйство… и память о месяце, который оказался сильнее обстоятельств.

Она так и стояла — пока перрон окончательно не стал просто перроном.

А в ней было по-прежнему то утро на вокзале, когда слёзы ещё не начались, и тот последний взгляд — когда Кирилл, не сказав ни слова, уже уводил себя и свою жизнь в сторону, где её больше не будет рядом.

Глава 4

Теперь Катя после работы каждый день прогуливалась по одним и тем же местам — как будто город можно было удержать в ладонях, если ходить по его знакомым тропинкам.

Она шла медленно, стараясь не спешить, потому что спешка казалась ей предательством. Знакомые повороты, знакомые лавочки, те самые участки дороги, где раньше время будто делилось на “до” и “после”, — теперь были только “после”. И в этом “после” неизменно оставались Кирилл и его улыбка.

Ей так не хватало его улыбки. Не той, что дают вежливости ради, не той, что бывает на фотографиях, где человек старается выглядеть лучше, чем в жизни. Кириллина улыбка была живая. Она согревала даже тогда, когда они просто стояли у пруда в парке и молчали, потому что молчание рядом с ним почему-то не превращалось в пустоту.

И ладонь… Катя всё время вспоминала его нежную ладонь, которой он крепко сжимал маленькую ручку Кати. Сжимал так, как будто боялся — вдруг она сорвётся, вдруг уйдёт, вдруг исчезнет. А Катя тогда не исчезала. Она просто доверяла и шла дальше. И вот теперь, по прошествии времени, эти воспоминания становились не радостью даже — а лекарством, которое, как ни странно, причиняет боль.

Ей очень не хватало его историй. Безумно интересных, странных, иногда почти фантастических — таких, каких в её деревенской жизни было мало. Кирилл рассказывал о столице так, будто видел её не разглядывая, а проживая: вот тут, говорил он, волнуется набережная, тут свет падает на камень так, что кажется — гранит дышит. И Кате верилось. Она слушала и представляла, как это всё может быть рядом… хотя сама она дальше своей деревни и своего городка почти не

выезжала, и даже поездки казались ей чем-то вроде праздника, а не частью нормальной жизни.

Иногда Катя воображала, как они гуляют по гранитной набережной реки — той самой, которую Кирилл описывал так ярко, что у Кати в глазах возникали огни, шум воды и широкая жизнь. Она представляла, что они выходят на набережную, где по камню медленно идут люди, а ветер подхватывает разговоры — и чтобы окна столичной квартиры, которые он показывал в своих словах, смотрели на эту же воду. И всё это смешивалось с реальностью: вот набережная в её городе, вот лавочка, вот поворот дороги, а внутри — столичная картинка, которую уже невозможно убрать из головы.

Проходя лавочку, на которой она впервые в жизни поцеловалась, Катя неизменно останавливала дыхание. Ей всё время казалось, что сейчас скажет Кирилл — и всё повторится: жаркие губы, неожиданность, стыдливое счастье и то, как сердце сбивается, но не боится, а летит. И каждый раз, когда память доходила до этого места, у Кати наворачивались слёзы.

Слёзы были горькими и отчаянными. Ей не хватало той теплоты, которую она чувствовала рядом с Кириллом. Не хватало даже не его самого — хотя, конечно, и его тоже. Не хватало ощущения, что её держат. Что рядом есть человек, которому она не безразлична так, как безразличным нельзя быть вежливостью.

Уже второй месяц от Кирилла не было вестей. И Катя, как

ни пыталась, всё равно надеялась. Она каждый день думала о нём — не так, как думают о человеке “в принципе”, а так, будто он рядом, просто задержался. Катя не могла даже представить, что Кирилл может забыть её, забыть всё то, что было между ними, эту короткую, но такую настоящую близость.

Но другие замечали. Они замечали, потому что Катя раньше светилась. Её улыбка почти не сходила с красивого лица — так, как будто счастье поселилось у неё в груди и не знало, что его можно выключить. А теперь улыбка исчезла. Из общительной девочки Катя превратилась в замкнутого человека. Разговоры с коллегами стали короткими, банальными — только ответы, только “да-нет”, только то, что не требует продолжения.

Кате было не с кем делиться своими переживаниями. Она пыталась выдержать это одна — как терпят деревенскую погоду: терпят, потому что иначе нельзя. Даже бабе Тоне она не говорила ничего. Просто молчала, а баба Тоня, наверное, видела, что молчание — это тоже разговор, но не могла силой вытянуть из Кати правду. Потому что правду иногда не вытаскивают — она сама должна выйти, иначе она будто ломается внутри.

Подруг у Кати не было. Не было тех, кому можно вылить душу. Не было человека, который бы поддержал, не испугавшись чужих слёз и чужих проблем. Кате, привыкшей справляться своими руками, казалось, что просить слишком позд-

но, слишком неловко, слишком тяжело для других.

И только завхоз института, Анна Николаевна, не только заметила — она, кажется, сразу поняла, что дело не в мелочи и не в "какой-то там смене". Она всегда умела смотреть так, будто видит не человека, а порядок, который тот невольно с собой несёт: как стоит, как дышит, как говорит — и где у этого порядка что-то начинает сбиваться.

Анна Николаевна относилась к Кате как к родной дочери. Она вырастила трех сыновей, и, наверное, где-то внутри у неё всегда жило желание иметь дочь — не столько "иметь", сколько любить. Любить, не отдавая приказов. Любить так, как умеют люди, которые не понаслышке знают, что такое ответственность.

Однажды Анна Николаевна пригласила Катю к себе в кабинет. Налила свой фирменный травяной чай — ароматный, чуть горьковатый, такой, от которого сразу хочется сидеть тише и думать медленнее. И начала расспрашивать. Не грубо, не в лоб. Сперва — как дела, потом — как работа, потом — "ты что, притихла?". И разговор потянулся долго. Он шел как мягкая нитка, за которую можно держаться.

Катя отвечала сначала коротко — как умела. Но когда Анна Николаевна терпеливо продолжала, когда задавала вопросы так, будто не торопит, а ждёт — Катя всё-таки не выдержала. Переборов в себе страхи, стыд и ту упрямую уверенность, что "сама справлюсь", Катя открылась.

Она рассказала про отношения с Кириллом. Про его вни-

мание, про короткую радость, про то, как она поверила и как потом осталась одна. Рассказала и про изменения, которые начали происходить в её организме — осторожно, по частям, как будто опасалась спугнуть то, что страшно назвать вслух.

Анна Николаевна слушала и постепенно понимала больше, чем могла услышать.

Из разговора она сделала вывод: Катя, скорее всего, беременна. И вывод второй — отец будущего ребенка, вероятно, не вернётся. Это было не "предсказание", не "приговор" — просто трезвый итог времени. Два месяца молчания — это тоже ответ. Иногда без слов.

На следующий день они пошли к подруге Анны Николаевны, которая работала заведующей гинекологическим отделением в местной больнице. Осмотр. Анализы. И всё подтвердилось.

Катя сидела на кушетке и смотрела куда-то в сторону, будто мир вокруг на секунду стал чужим. Не потому, что она не знала, что с ней может случиться. А потому, что в её голове всё время жила другая картинка: Кирилл где-то рядом, просто задержался, просто дорога длиннее, чем хотелось.

Всю ночь Катя не могла уснуть. Лежала и думала о том, что сказала Анна Николаевна, и что, возможно, предлагала судьба — избавиться от ребенка. Катя слышала смысл, но не могла принять его сердцем. Анна Николаевна — после смерти мужа — одна растила сыновей и прекрасно понимала, какие трудности могут ждать молодую девушку с малень-

ким ребенком на руках. Она говорила это не из равнодушия — из знания. И всё-таки предложение звучало как приговор мечте, которую Катя ещё не успела даже назвать мечтой.

Мысли о Кирилле не давали думать по-чужому. Не давали смириться быстро. Катя продолжала надеяться — до последнего — и в этой надежде жила странная упрямая вера: Кирилл всё равно появится. И она расскажет ему радостную новость. И они вместе будут держать это в руках, как держат самое хрупкое.

И каждый день, когда приходило время уснуть, Катя представляла встречу. Вокзал, сумерки, его голос — или хотя бы его взгляд. Она представляла, как стоит с дрожащими пальцами, как он подходит, как они снова берутся за руки — крепко, как тогда, в её коротком счастье. И как они идут, не думая больше ни о чём, в сторону заходящего солнца.

Поэтому сейчас, даже когда реальность давит, Катя всё равно не отпускает свою картинку. Потому что пока она держит её — надежда жива. А пока надежда жива, у человека остаётся смысл просыпаться.

Глава 5

По приезду в столицу Кирилл будто выключил всё лишнее — не грубо, не резко, как иногда делают люди, когда не хотят чувствовать, а просто… сосредоточил себя так, как умеют сосредоточиваться только те, кто привык побеждать обстоятельства головой и расписанием.

Он полностью погрузился в научную работу. Не то чтобы

работа была для него “отдушиной”. Нет. Работа для него была смыслом — единственным, настоящим, который не предаёт и не требует объяснений. На кафедре, которую он возглавил сразу после командировки, всё было предсказуемо: планы, отчёты, заседания, рукописи и вечный запах бумаги. А главное — результат, который можно потрогать, измерить, доказать.

Кирилл часто оставался на работе до самого позднего вечера. Иногда казалось, что он уже не “уходит”, а просто "закрывает” день вместе с институтом. Он не мог оставить незавершённые дела, не мог переложить на завтра то, что было запланировано на день. Так требовал характер. Так подталкивала дисциплина. Так жил он сам.

Серьёзные отношения не входили тогда в его ближайшие планы. И, если честно, воспоминания о Кате действительно быстро улетучивались из головы — не сразу, но постепенно. Там, где у человека нет привычки привязываться, чувство быстро становится историей. Историей — и всё.

И всё же… иногда, совсем редко, Кирилл вспоминал её.

Когда находил на полке шкафа среди книг ту самую фотографию. Которая лежала небрежно, почти забытая — будто её и не держали важной вещью. Кирилл видел её не так, как видят дорогую вещь: не с нежностью, а с лёгким, почти раздражающим ощущением, что прошлое напоминает о себе. Он доставал фото пальцами, задерживал взгляд на секунду — и снова убирал. И снова уходил в текучую суету научных

дней.

На снимке была Катя.

Фотограф сделал кадр незадолго до отъезда — уличный, быстрый, какой бывает в переходах или на площадях, где тебе говорят: “Сюда, вот так, улыбнитесь”. Кирилл крепко обнимал её за тонкую талию, и Катя сияла своей искренней улыбкой — той самой, которой она не старалась быть “удобной”, “правильной”, “красивой”. Она улыбалась так, будто не знала, что радость может быть опасной.

У Кирилла не было мысли, что в этой улыбке живёт продолжение жизни. Он даже тогда не знал, что стал папой.

Об этом знал только его отец.

Отец, который много лет возглавлял институт, не был человеком, способным молчать из-за страха. Он молчал потому что решил: сейчас нельзя иначе. Он узнал, что в филиале вспыхнул роман Кирилла и “все там что-то знают” — а значит, рано или поздно тайна станет общим разговором. Работники института, особенно те, кто ездил в филиал “по делу”, докладывали в столицу с завидной частотой. И, конечно, в филиале знали почти всё: и о том, что Кирилл внимателен к Кате, и о том, как провожает её, и о том, что у них было что-то большее, чем вежливый интерес.

Отец узнал — и, вероятно, испугался не за репутацию. Испугался за сына. Потому что слишком много надежд было вложено в Кирилла, слишком много сил потрачено, чтобы он стал тем, кем должен стать. Отец боялся, что история с Ка-

тей, если станет видимой и развернётся в быт, утянет Кирилла в семейную рутину. В ту самую рутину, которая, по мнению старшего поколения, чаще всего съедает мечты и превращает человека в человека “для дома”, а не “для науки”.

И ещё отец боялся самого худшего — что сын, как иногда бывает с людьми, для которых важны только вершины, окажется слабым перед простыми человеческими обстоятельствами. Не сможет. Сломается. Или просто отступит.

Так он и хранил тайну.

До самой смерти.

Он так боялся правды — той правды, которой нельзя вернуть обратно. Он будто держал в руках горячую монету: стоит лишь чуть сильнее прижать — и обожжёшься.

А много лет спустя, когда стало понятно, что дни отца сочтены, он решился признаться. Признаться в своём страшном грехе — в том, что не сказал вовремя. В том, что удерживал сына от судьбы, которая могла стать другой.

И, пожалуй, именно в этот момент до Кирилла впервые дошла простая человеческая мысль: иногда молчание бывает не нейтральным, а жестоким.

И только теперь, задним числом, история Кати переставала быть “командировочной”. Она становилась тем, чего Кирилл не смог удержать — и тем, что уже не исправишь привычной дисциплиной.

Глава 6

Вот и прошло девять месяцев — тех самых, когда время

идёт вроде бы обычными шагами, а внутри всё меняется так, что мир становится другим. Кирилл уехал — и Катя так и не дождалась его. Не дождалась письма, звонка, хотя бы одной внятной вести. Только пустота. И с каждым днём пустота становилась не просто отсутствием — она становилась привычкой, с которой приходится жить.

Иногда Катя всё-таки думала: “А вдруг…”.

Вдруг с ним что-то случилось. Вдруг он попал в больницу. Вдруг дорога оборвалась не из-за холодности, а из-за судьбы, которая иногда бывает жестокой без объяснений. И тогда в голове вставали картинки: она снова на вокзале, он выходит из вагона, у него в глазах извинение и смущение — и он говорит, что просто не успел.

Но потом приходило другое: она не знала ни адреса Кирилла, ни того, куда писать, ни даже того, как именно его искать. И ехать одной в незнакомый город — было не только страшно. Было как-то… неправильно, что ли. Катя не умела устраивать себе приключения. Она всю жизнь умела идти по тропинкам, где знаешь, что наступишь на землю, а не в пустоту.

И потому она ждала по-другому — не Кирилла, а малыша. Ждала не ответа, а времени, которое уже нельзя задержать.

С трудностями беременности Кате помогала баба Тоня. Она сначала, конечно, не знала, что сказать, и, как бывает с любящими людьми, будто бы растерялась: то ли плакать,

то ли держать себя в руках. Но потом баба Тоня, хоть и не сразу, но всё-таки смирилась. Смирилась не потому, что ей было всё равно — наоборот: она привыкла бороться, и потому начала бороться по-своему. Помогала Катину организму, помогала бытовыми делами, помогала тем, что просто была рядом и не позволяла Кате провалиться в отчаяние окончательно.

Почти каждые выходные из города приезжала Анна Николаевна.

Она смотрела на Катю так, будто в глазах у неё всё время живёт чувство вины. И в этом взгляде было не осуждение — было сочувствие, которое поздно пришло, но всё равно пришло. Анна Николаевна мучилась тем, что её советы могли разрушить Катюшино счастье. Даже если Катя внешне держалась, даже если говорила “ничего, я справлюсь”, Анна Николаевна всё равно видела — она старается, но ей тяжело.

Анна Николаевна помогала по хозяйству: что-то приготовить, что-то принести, что-то поправить, когда уже трудно наклоняться или тяжело тащить. Иногда приезжала с сыновьями. Они относились к Кате как к младшей сестре — без сюсюканья, без лишней жалости. Просто по-мужски: принесли, подняли, помогли, сделали так, чтобы Кате не приходилось быть сильной одной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.